

ПСАЛМОПЕВЕЦ МАТВЕЙ

"И сказал Бог Нои:

- Сделай себе ковчег из сложенного дерева и просмотри все снаружи и изнутри. Пусть длина его будет триста локтей, ширина пятьдесят, а высота - тридцать...".

И написал Матвей Басов масляными красками на холсте, размером семьдесят на семьдесят сантиметров, квадратного формата, мутное небо и насторожившуюся землю, слева вдали корабельную верфь, где трудятся два длиннополых работника, справа - предельно укрупненную полуфигуру напряженного размывающего Ноя. Можно поручиться, что думает Ной не о досках и не о гвоздях: не с таким выражением лица воображает о стройматериалах. Мыслит Ной и о том, что будет значить ковчег и для тех, кого он спасет, и для очень далеких потомков. И, конечно, Ной догадывается, что на протяжении веков придется интеллектуалам вновь и вновь строить ковчег в канун очередного потопа.

Вглядываясь в "Ноев ковчег" кисти Матвея Басова, мы вспоминаем страницу Ветхого завета, упираемся глубиной цвета и певучестью рисунка и вдруг начинаем понимать, что наши далекие и близкие предки пережили страшные катастрофы, и всякий раз находился очередной Ной, который строил очередную ковчег и тем спасал наследие гибнущего поколения.

"Ноев ковчег" Матвей Басов начал и закончил в 1998 году. В последние десятилетия и особенно в последние годы уходящего века он неустанно обращался к Торе и к Библии, и древние книги навеяли ему не только характеры и образы, но и целые циклы работ, один из которых посвящен ветхозаветному Моисею.

Как могло произойти, что наш современник, чья молодость совпала с годами злейшего засилья социалистического реализма, кто едет из мастерской домой на метро, кто просматривает газеты и журналы, смотрит телевизор и неравнодушен к некоторым новейшим явлениям в музыкальном мире, кто имеет профессиональное представление о натюрморте, портрете, историческом жанре и обо всех жанрах иных, вдруг избрал для себя обращение к Богу - псалом, столь почитавшийся старыми поэтами и композиторами, но в живописи так и не ставший самостоятельной категорией?

Преображение произошло обыкновенным и уж, во всяком случае, отнюдь не мистическим образом, когда, несомненно, имевшие место счастливые стечения обстоятельств все-таки не сыграли роли решающей. Неустанным трудом возрастал и оберег свою волюлюбивую душу и свой свободный талант Матвей Басов, сын Израиль Басова.

В этой большой, без особого достатка семье все тянулось к культуре, к искусству. Многим было суждено по-

гибнуть в сталинских лагерях, но не всем. Задолго до рождения Матвея, в далеком 1934 году, его дядя, Бениамин Матвеевич Басов, участвовал в первой выставке художественного оформления книги в БССР. Позже Израиль Матвеевич Басов стал хорошо известен просвещенному Минску и как живописец, и как график. Еще была бабушка Маша, она не рисовала, как ее дети и внуки, она обладала исключительным даром доброты, понимания и сочувствия. Умела поделиться последним. Ее, беспартийную, избрали в горсовет городка Мстислава, что в Могилевской области. С одними бабушка говорила по-еврейски, с другими по-русски. Она знала: с кем и на каком языке надо говорить. Как впоследствии обидела бы племятка Матвея Басова, если бы он не чувствовал русский язык так, как чувствуют только родной язык. Но как бы оскудела его кисть, если бы ему был чужд идилл, который он воспринял на слух.

Еще Матвей Басов рассказывал, каким редчайшим чувством предвидения была наделена бабушка Маша, какие мудрые советы давала она и малознакомым людям, как она безошибочно указала место близ родного дома - где сажать грушу. На моих глазах Матвей в три очерска молниеносно нарисовал и угол дома, и в окошке бабушку Машу, указывающую место посадки, и внука с саженцем. Сразу поверилось в чудо. Долгие годы плодоносила эта замечательная груша.

Малолетнему внуку вечно не хватало красок, особенно желтой, и когда он жаловался: "Бабушка, кончились краски!", старенькая бабушка Маша доставала свои пенсионные рубли, и внук мчался в магазин "Школьник". Отец покупал краски смену в ларьке Союза художников.

А еще Матвею дарил краски его первый учитель - Сергей Петрович Катков. Именно к нему привел отца шестилетнего Матвея. Именно Катков отправил рисунки Матвея на конкурс в Италию, и Матвей получил бронзовую медаль - первую в своей жизни награду.

Учился Матвей в детской художественной школе, ютившейся в здании оперного театра, единственной тогда в Минске. Азам рисунка и живописи учила Валентина Михайловна Светоховская. Запомнилось, как с директором школы, Виктором Терентьевичем Филипповым, ловил утрей на озере Нарочь. Ловили утрей, мирно беседовали - вот, кажется, и все, только урок на лоне природы, без кистей и карандаша, задал в душу на всю дальнейшую жизнь. Кроме ловли утрей, в деревне на берегу озера Нарочь Матвей очень много рисовал черным соусом - по внушению отца: надо, очень надо ходить на этюды почаше...

Затем было Минское художественное училище. Закончил его в 1971 году, Матвей Басов уже не поступал ни в институт, ни в академию. Он не прервал своего обучения, просто теперь продолжал учиться дома, на выставках, читал книги, слушал музыку. И продолжает учиться по сей день. Своими работами он подчас учит - мягко, деликатно, как бы не преднамеренно. Старательный ученик и мудрый наставник соединились в одном лице.

Если бронзовую медаль в Италии Матвей получил еще подростком, то следующей награды ему пришлось ждать семнадцать лет. Многие годы неприметно трудился Матвей Басов, словно крот под землей. Росла и крепла его душа, оттачивалось мастерство. Наконец, в зоне вечной, как казалось, мерзлоты, именованвшейся вслух "социалистической реальностью", появились проталинки - например, всесоюзная 1981 года выставка в Москве. Долгие годы живописи Матвея Басова на выставках просто не принимали, но, когда лед тронулся, он стал выставляться, выставляться и выставляться.

Начиная с 1986 года, Матвей Басов участвовал в выставках, проводившихся в Москве, в Киеве, в городах Голландии, Бельгии, Испании, США. Неоднократно выставлялся и в родном городе. Но на смотре белорусских талантов его скромные по размеру работы как-то терялись, а о его персональной выставке в здании еврейских общин Белоруссии одновременно узнали очень немногие. Но вот персональная выставка Матвея Басова, прошедшая весной двухтысячного года во Дворце искусства, была, хоть и скромно, но афиширована. И, что особенно важно отметить, выставка собрала работы разных лет. Экспозиция давала полное и всестороннее представление о художнике, который в Бельгии, Голландии, Испании, США, в Москве, наконец, был известен гораздо лучше, чем в родной Белоруссии.

Устроим и мы своя вернисаж, насколько позволяет возможность журнала.

Псаломщика Матвея Басова не назвать ни портретистом, ни пейзажистом. Бытовой жанр чужд ему совершенно. Даже незамысловатая на первый взгляд трехфигурная композиция "Ой, пусть бежит!" отнюдь не семейная хроника, не листочек из домашнего альбома, но нечто совсем иное: первый жизненный шаг того самого блудного сына, о ком поведали и Библия, и Рембрандт, и еще многие старые мастера. Какой уж тут быт! Не обиходная ситуация, но совсем иная коллизия, навеянная неизреченными тайнами бытия. Здесь ностальгия по детству, неприметно, но неотступно следующая за кистью Матвея Басова.

На поверхности коротечных явлений сомнительной полезности Матвея Басова взора своего не задержит. Его волнует столь трудно уловимая общность далекого прошлого, настоящего и будущего, тот бессмертный феномен, без которого цивилизация рассыпалась, как горюх из ветхого мешка.

Продолжаем наш просмотр.

Пророк необычайно широко раскинул руки. В его деснице Библия, в его шпиге Тора. Торжествует безукоризненное равновесие и вера в то, что, когда-нибудь толкование Торы и толкование Библии соединятся, сольются в едином аккорде. Этот пророк уж не авторитет ли Матвея Басова? Хоть фотографического сходства и нет, но о духовной общности автора и его героя можно пригадаться.

Цикл совсем небольших, неакадемического размера картин посвящен ветхозаветному Моисею. Читаящие Библию, конечно, помнят, как Моисей вывел соплеменников из египетского рабства, каких нечеловеческих усилий стоило вернуть народу веру в себя. Исход из земли Египетской, скрижали, море, по дну которого меж расступившихся волн Моисей провел свой народ и где вскоре погибнет фараон со своим войском, и еще много удивит пытливые любители живописи. Для того, чтобы выйти из тьмы, светила свеча в руке

Моисея. Вспоминается, как советовал Моисей, страшно, как люди ему не поверят:

- Не речист я, Господи, тяжело мне дается речь.

Убедил Господь Моисея и говорить, и совершать поступки.

Не раз за мольбертом Матвей Басов говорил себе, что не речиста его кисть и трудно даются ему и фактура, и цвет, и рисунок. Но на судьбу не сетовал, чувствуя, что поймут его, хоть и не сразу. Только трудиться и трудиться! Для того и запасал терпением на долгие годы.

Продолжим просмотр работ Матвея Басова. "К свету": профиль каменной лестницы, луч света, нисходящий по ее ступеням, и человек, кто прорывается ступить на нижнюю ступеньку. Ну, как тут не задуматься об участии интеллигента, всю жизнь восходящего на омерзительные, пусть и невидимые другим, ступени? Ему не всегда удается сделать верный шаг, после чего он в лучшем случае начинает свое восхождение заново.

Не единожды обращался Басов к образам учителя и его учеников, имея в виду не уроки физики, не уроки литературы, не даже недоброй памяти полтавчанитя, но - школу мудрости. Величавый наставник, столь непохожий на задержанного преподавателя, полон высоких дум. Четыре пары детских глаз и свеча - олицетворение свободы духа.

Очень многое приходило на ум наедине с творением Матвея Басова. Вглядываясь в "Паломников" и в "Молитву", и звучало в памяти:

...Синим солнцем палом,

Идут по Земле пилигримы...

И вспоминались шестидесятые годы, Ленинград, непрестанный Дом культуры, на сцене - очень молодой Иосиф Бродский. Его голова золотится. Он читает свои стихи уверенно, певуче. Жаждающие приобщиться к питерскому вольнодумию лихорадочно записывают в свои блокноты:

Увечено они горбаты,

Голодны, полураздеты,

Глаза их полны заката,

Сердца их полны рассвета...

Очень уж давно не вспоминались мне стихи Бродского о пилигримах: ничто о них не напоминало. Но душа, затаясь, ждала встречи со счастливейшим днем моей студенческой жизни. Бродский так и остался паломником в нашем мире: всякий мыслящий человек - пилигрим, ибо мысль - странница. Когда Басов писал своих "Паломников", он не помнил этого затерянного стихотворения Бродского. Однако, каково совпадение!

За мольбертом Басов насыщает фигуры и лица своих избранников тихим, подчас исключительно нравственным движением. Это движение неоптимально. Оновидно авторское приращение к магии числа. Бесконечные оттики смысла выявил он в числе "два": удивительные двуединства, где темнота человеческих судеб то сближаются и сливаются, то тлетно рвется на простор порознь, сродни дуэтам фортепианным. Вдумчиво и остро осмысливает Басов числа иные, и тогда звучат трио, квартеты, квинтеты.

Последнее время по радио и в газетах толкуют о неких вертикалях. Еще недавно с не меньшей настойчивостью трактовались столь же неопределенные горизонталы. У Басова и прежде, и теперь решительное предпочтение отдается круту. Торжествует крут: то почти правильный даже с точки зрения геометрии, то деформированный, то нарочито искаженный. Случаются секторы, сегменты, эллипсы, но крут - чаще всего. Саму идею познания мира Басов воплотил в круте. Солнце в небе он пишет чаще, чем свечу на столе. Солнце багровое, солнце как раскрасленное добела железо, солнце синее, солнце черное. И добро бы одно - в своей композиции Басов вводит и два, и три солнца сразу. В

пейзаже 1996 года три круга, ослепляющие ультрамарином невиданной еще в белорусском крае сочности и густоты. Что ни говорите, но солнце круглее колеса новейшей иномарки, и потому от палитры Басова пахнет пресным хлебом, испеченном на раскаленных камнях, но не безинном. Практицизма в трудах Басова - ни на йоту, но преуспевших практиков в художественном мире хватает и так. Свой кончик Матвей Басов строит, подобно Нюно, не из хлипкой осыны, но из долговечной словой древесины.

На протяжении всей своей сознательной жизни Матвей Басов алмелял и взращивал силу своего духовного созерцания и свято оберегал ее от вмешательства чужеродных сил. Когда-то А.С. Пушкин обмолвился о "дыхании долгих дум". Каждое произведение Басова взращивалось именно таким дыханием. Ни пространственного, ни нравственного блуждания - глубочайшие, таинственные родники духа. Неподкупность созерцания и определяет каждое движение его кисти и карандаша. Его работы явственно источают обаяние, хотя их очарование не всегда поддается логическому осмыслению.

Любое откровение Матвея Басова - "для восхищенных взоров судей, для взоров пылких знатоков", как вырвалось у Велимира Хлебникова. Жаль только, что на долгожданной персональной выставке Матвея Басова в Минске знатоков и судей появилось совсем уж немного. Симфонию псалмов не рассыпали праздные соглядаты, она прозвучала для одиозеров.

Напомню еще раз, что Матвей Израилевич Басов - сын Израила Матвеевича Басова, сын по плоти и по духу. Те немногие, кто вник в живопись и графику Басова-старшего еще при его жизни, сохранили о нем самые теплые, самые добрые, подчас восторженные воспоминания. Матвей унаследовал свободу духа, это величайшее достояние. Его нелегко уподобить кораблю с пустыми трюмами, без руля и капитана, подвластного случайному порыву ветра. Никакие свирепости, никакие хитрости зюйдга или веста не сбивали Матвея Басова с избранного им по доброй воле курса. Группу, посаженную на месте, указанном бабушкой Машей, заветную группу, спланили усердные исполнители злой воли. Но вот ни приспособить живопись Матвея Басова к синопичной потребности, ни переначить личность художника, ни замолчать созданное им никому не удалось.

Персональная выставка к пятидесятилетию Матвея Басова удостоверяла, что талант живописца сформировался и

что случайный порыв ветра не унесет его в омут компьютерной или иной запрограммированности.

Пятьдесят лет - замечательный возраст для живописца. Кирилл ЗЕЛЕНЮК.

Хочу уточнить...

В "Биографии Марка Шагала", с любовью и теплотой написанной его внучкой Мерет Мейер, есть несколько моментов, которые требуют уточнения.

Автор пишет: "По рекомендации Пяна Шагал снова получает работу ретушера у фотографа Жаифре." Фамилия, видимо, по причине неточности перевода названа неверно. Этим фотографом был Мордехай Иоифре, с которым Пян учился в Академии художеств, а затем долгие годы поддерживал дружеские отношения. В одном из посланий своему другу Александру Ромму Шагал просит его захватить у фотографа Иоифре две пробные карточки, за которые он заплатил и указывает его Санкт-петербургский адрес: Невский, 29. Открытка послана из Парижа 16 июня 1911 года. О том, что и Иоифре в 1906 году работал ретушером Марк Шагал писал, со ссылкой на другой источник, сын известного собирателя западноевропейской живописи, архитектора Абрама Игнатьевича Шустера кинорежиссер Соломон Шустер. (Журнал "Наше наследие", № 6, 1991 год).

Второе. В выставке, организованной Марком Шагалом в 1919 году, участвовали не только художники из Витебска, но и москвичи: Н.И.Альтман, Д.Д.Бурлак, М.В. Ле-Данто, В.В.Кандинский, А.В.Лентулов и другие. Она называлась: "I-я Государственная выставка местных и московских художников". В изданном к выставке каталоге предисловие было написано А.Роммом.

И, третье. Фамилия художественного критика, который вместе с А.Савом, родственником Винавера, участвовал в редактировании журнала "Восход" — Сыркин М.Г. (1859 - ?).

С наилучшими пожеланиями добра и счастья Мерет Мейер

Унна КОЛОДОВА,

научный сотрудник Витебского художественного музея.